

Бородкин Петр Антонович (1918—1986) родился в Барнауле. Участник Великой Отечественной войны. Окончил педагогический институт. Больше тридцати лет возглавлял архивный отдел краисполкома. Автор исторического романа «Ползунов», повестей «Тайна Змеиной горы», «Мост», «Исторические рассказы о Барнауле» и др. Повесть о Присягине, над которой писатель работал уже будучи тяжело больным, оказалась последним его произведением... Альманах «Алтай» публикует ее с некоторыми сокращениями.

Петр БОРОДКИН

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГУВКОША

ПОВЕСТЬ О ПРИСЯГИНЕ

Секретарь школьного комитета Семашко обратился к Ленину:

— Может, посмотрите, Владимир Ильич, учебное помещение, сами ученики привели его в порядок.

— Хорошо, давайте посмотрим, Николай Александрович, — согласился Ленин.

Был конец мая, благодатная пора в Париже.

В Лонжюмо, кроме Владимира Ильича, приехало еще несколько преподавателей. Слушатели встретили их у входа в школу — переоборудованный сарай.

— Здравствуйте, товарищи! — улыбнулся Владимир Ильич. — Сбылась наша с вами мечта об открытии первой русской высшей партийной школы для рабочих! Пусть не у себя на родине, но школа-то все-таки нашенская, русская.

Семашко показывал оборудование — длинный стол, сколоченный из досок, табуретки, стулья, классная доска, окрашенная в черный цвет, и даже кресло для преподавателей.

— Изделие наших слушателей, — пояснил он. — Белостоцкого и Присягина.

Владимир Ильич с любопытством осмотрел кресло.

— Молодцы, товарищи! Хорошее кресло. Хотя, полагаю, преподавателю удобнее будет сидеть на стульчике, не выделяясь из общего ряда. Прошу, товарищи, садитесь. Будем решать организационные вопросы.

* * *

Активное участие в работе Владимира Ильича придало школе целенаправленный революционный, наступательный характер, заметно подняло идеино-теоретический уровень учебных программ. Подбор преподавателей делался с учетом привлечения авторитетных представителей социал-демократии, независимо от принадлежности к тому или иному течению в партии.

Так, например, Школьный комитет и коллегия слушателей обратились к Плеханову, Горькому, Розе Люксембург с просьбой принять участие в работе школы, обещая при этом взять все расходы на себя.

Такое являлось фактом исключительным, по причине больших материальных затруднений школы.

Плеханов вначале ответил согласием, обещал приехать где-то в начале сентября и прочесть курс лекций о материалистическом понимании истории. Но позже сообщил, что не может выехать по сложившимся обстоятельствам.

Роза Люксембург благодарила слушателей школы за оказанную честь, но приехать тоже не смогла в связи с выборной кампанией в партии.

И Максим Горький не приехал. Мотивируя отказ, он писал: «Дорогие товарищи! Приехать в школу я не могу, не имея для этого ни здоровья, ни, главное, времени.

Все лето мне придется безвыездно сидеть на Капри в ожидании приезда разных людей из России, а так как народ это все занятой, является на сутки, на двое, то мне приходится смотреть в оба, чтобы не расстроить свидания. Вот какие дела.

А кроме того, писать надо.

Будьте здоровы, желаю успеха в деле.

Приветствую. А. Пешковъ»

Преобладающее количество лекторов-преподавателей были большевики, меньшая часть из других фракций.

Разнородным был и состав слушателей. Среди них значились большевики, рабочие-плехановцы, представители других течений в партии.

Кроме того, по решению Школьного комитета было принято несколько вольнослушателей.

Ленину и его сторонникам предстояло вести борьбу за чистоту марксизма не только среди преподавателей, но и слушателей.

Поэтому Ленин придирчиво вмешивался в предварительную подготовку, вникал во все мелочи. Особое внимание он уделял составлению перечня читаемых дисциплин и составлению по ним учебных программ.

Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать Елизавета Васильевна поселились на окраине Лонжулю в домике рабочего кожевенного завода. Квартира состояла из двух маленьких комнат.

Квартира была сырьёвата. Не было приличных обоев и мебели. Надежде Константиновне с матерью пришлось немало поработать, чтобы навести кое-какой порядок, но вот избавиться от неприятного запаха, исходившего от кожевенного завода, было не в их силах...

Здесь же, в Лонжулю, школа арендовала старый домик. Это был своеобразный центр первой русской высшей партийной школы. Наверху, в маленькой комнатушке, поселилась Инесса Арманд с сыном, а под самой крышей три вольнослушателя, в их числе и Серго Орджоникидзе.

Остальные преподаватели и слушатели жили в Париже и каждый день добирались до Лонжулю в старом паровом трамвайчике.

Исключение составлял Семашко, который ездил на велосипеде. И очень был доволен своим транспортом.

* * *

Сегодня в школе день практических занятий по газетному делу. Ведет Надежда Константиновна. Учащиеся должны написать статью «Истоки борьбы пролетариата против буржуазии».

В классной комнате так тихо, что слышно, как скрипят перья, как на улице переговариваются прохожие. Основная цель урока — привить слушателям навыки самостоятельного изложения в печати своих политических взглядов. Кроме того, обращалось внимание на грамотность.

Минут за двадцать до окончания контрольного времени подал готовую статью Присягин.

Надежда Константиновна предупредила еще раз:

— Прошу не спешить, товарищи, время еще есть.

На другой день Надежда Константиновна провела разбор сочинений.

— Некоторые слушатели начали не с того, с чего следовало бы, — говорила Надежда Константиновна. — Больше уделено внимания борьбе пролетариата с буржуазией. Это хорошо, что товарищи показывают и приводят примеры борьбы, но плохо то, что они не касаются причин, истоков этой борьбы. Много синтаксических и смысловых ошибок. Считаю наиболее удачной статью товарища Степана, в которой налицо последовательность изложения, приводятся яркие примеры борьбы пролетариата. В статье почти нет грамматических и синтаксических ошибок. Молодец, товарищ Степан.

Среди слушателей за Степаном с этого момента прочно закрепилась слава лучшего сочинителя. Его стали выдвигать в школе всюду, где только требовался приличный стилист.

Шли дни. Слушатели овладевали марксистско-ленинской теорией. Когда меньшевики-ликвидаторы во главе с Мартовым отказались участвовать в работе школы в Лонжюмо, по причине якобы ее фракционности, слушатели выработали свой ответ меньшевикам, доказав несостоятельность их обвинений. Присягин в составлении этого ответа-резолюции принял живейшее участие.

Так оттачивалось перо большевистского публициста в борьбе с оппортунистами различных мастей.

* * *

Однажды Владимир Ильич спросил у Надежды Константиновны:
— Каковы успехи Присягина в журналистике?

Надежда Константиновна знала, что до окончания школы несколько слушателей, по настоянию Владимира Ильича, должны были ехать в Россию для работы по подготовке созыва шестой партийной конференции. «Неужели решили послать и Присягина?» — откровенно говоря, ей не хотелось, чтобы Присягин прерывал учебу.

— Успехи товарища Степана выше всякой похвалы, — ответила она, — в том числе и по моим дисциплинам. Но я бы не хотела...

— Нет, нет, — улыбнулся Владимир Ильич, хитро прищуриваясь, — товарищ Степан пусть учится.

Между тем материальные дела школы становились все хуже. Требовались деньги для отправки слушателей в Россию. Кое-как наскребли для этой цели и влезли в долги. Тогда Школьный комитет взял взаймы еще четыреста пятьдесят франков... Но как бы ни были велики материальные затруднения, они не могли омрачить самого торжественного часа, выпускного вечера слушателей, ставших впоследствии профессиональными революционерами ленинской школы.

— Школа для нас имела огромное значение не только как источник знаний, но, что важнее, она познакомила нас с методами борьбы, борьбы политической! — говорил на выпускном вечере Белостоцкий. — Помогла овладеть марксистским мировоззрением. Спасибо товарищам преподавателям за это!

Владимир Ильич напутствовал:

— Товарищи, вы закончили учебу в первой Российской партийной школе! Вам предстоит в условиях жестокого жандармского режима вести работу по политическому воспитанию масс, чтобы подготовить их к свержению самодержавия! Берегите друг друга, товарищи, подавайте друг другу руку помощи, если потребуется это в борьбе!

Помня о партийной взаимовыручке и товариществе, надежно опирайтесь на рабочий класс, ибо в нем и только в нем настоящая сила и будущее нашей партии и революции!

В зале небольшого трактира, где проходил прощальный вечер, долго не смолкали бурные аплодисменты. Многие из присутствующих старались пробиться поближе к Ленину, пожать ему руку.

Присягин смотрел на Владимира Ильича влюбленными глазами, но подойти не решался. Владимир Ильич сам к нему подошел, улыбнулся дружески:

- В Москву, значит, поедем, товарищ Степан!
- Не знаю, Владимир Ильич, где мне найдет место партия...

* * *

В конце сентября на совещаниях, проходивших в Баку и Тифлисе, была образована так называемая Российская организационная комиссия по подготовке к созыву шестой партийной конференции. В ее состав вошли два бывших слушателя школы в Лонжюмо — Орджоникидзе и Шварц.

Присягин после окончания школы вернулся в Москву, где вел подготовку к конференции Бреслав, также слушатель партийной школы в Лонжюмо, член петербургской организации РСДРП. Бреслав был мало знаком с московским партийным подпольем, поэтому приезду Присягина очень обрадовался.

Вчерашние слушатели развернули кипучую деятельность. Охранка с первого же дня приезда Присягина в Москву установила за ним тщательную слежку. Однако вскоре после приезда Присягин заболел. Проживал он в это время у своего дяди по улице Лесной, Пушкирев переулок, в доме без номера. Охранке было известно и то, что профсоюз кожевников выплачивает Присягину шестирублевое пособие. Сообщались и другие сведения, более мелкого характера.

Бреслав навещал Присягина почти каждый день.

А едва поправившись, Иван Вонифатьевич с головой окунулся в планомерную работу подпольных большевистских организаций Преображенского и Замоскворецкого районов Москвы.

Присягин становился авторитетным человеком в Московской партийной организации, которая назвала его кандидатом в Российскую организационную комиссию.

Возрос интерес царской охранки к личности Присягина. Ровно за месяц до ареста охранка отмечала: «...к формированию в Москве нового руководящего подпольного коллектива приступил Присягин. Распространял нелегальную литературу, занимался агитацией и пропагандой на партийной почве».

В донесениях охранки также сообщалось о крепких связях Присягина с заграничным партийным центром, крупными работниками партии.

Однажды Бреслав встревоженным голосом сообщил Присягину:

- Иван, кажется, за нами установлена слежка охранки.
- Все может быть. Надо соблюдать осторожность.

На этот раз опасения были не напрасными, группа собралась в трактире третьего разряда возле Сухаревой башни. Приходили большевики по одному, соблюдая правила конспирации. Вопрос на собрании обсуждался один: выборы на партийную конференцию. Председательствовал Присягин.

Но и провокатор Брядинский в этот раз не дремал — сработал точно. Остальное было делом жандармских рук.

Не успел Присягин объявить повестку дня, как к нему подошли два полицейских в штатском и приказали следовать за ними, затем арестовали еще семь человек, в их числе и Захара Бреслава.

— Что будет дальше? — спросил Присягин у одного полицейского.

— А что бывает с людьми неблагонадежными, — ответил тот.

Департамент полиции был доволен операцией в трактире. Он тотчас же донес особому совещанию при министре внутренних дел: «По агентурным сведениям, вполне проверенным, Иван Присягин принад-

лежит к РСДРП и в данный момент является одним из особо активных представителей ее Московской подпольной организации».

Департамент полиции предлагал выслать его в Вологодскую губернию сроком на три года. Но дело Присягина затянулось на долгие месяцы. Узника содержали в одиночной камере 326 Таганской тюрьмы, причем содержали с соблюдением всех правил жестокого тюремного режима.

Наконец был вынесен приговор: высылка — и не в Вологодскую губернию, а в Нарымский край Томской губернии, сроком на четыре года, туда, где, как говорят, «Макар телят не пас».

Через два дня министр внутренних дел утвердил «определение», но Присягин продолжал оставаться в тюрьме.

Узнику ничего не оставалось делать, как направить решительный протест в департамент полиции.

Прошло два месяца предварительного заключения. Подследственному сообщили, что в тюрьме он будет находиться вплоть до высылки. Фактически жандармерия оставила за собой право держать Присягина в предварительном заключении неограниченное время. Еще дважды Присягин обращался к прокурору Московского окружного суда и в департамент полиции. Наконец ему сообщили, что срок высылки исчисляется с двадцатого февраля 1912 года, но высылка откладывается на неопределенное время в связи с тем, что следователь по особо важным делам Московского окружного суда решил ее задержать. И опять на неопределенное время! Следствие упорно добивалось более полного раскрытия деятельности Московской партийной организации и роли в ней самого Присягина.

Одиночка угнетала Присягина. Дни казались длинными.

Книг для чтения в камеру передавать не разрешалось. За несколько месяцев заключения Присягин усвоил «стенную» азбуку, при помощи которой заключенные вели переговоры, но в соседней камере оказался эсер Иванов, к которому Присягин вскоре утратил всякий интерес.

Особенно мучила длинная, бессонная ночь. Отчетливо вспоминались товарищи по школе, родители, согнувшиеся от тяжелой судьбы, младший брат Иван, сестра Устя. Думалось: «Где-то сейчас брат тянет солдатскую лямку?»

Присягин жил ожиданиями. И верой в конечную победу большевиков.

* * *

Только месяц спустя после письменного протеста Присягину стало известно место ссылки: село Парабель Нарымского края.

Воображение рисовало то затерянное в лесах село, то расположение на открытом для всех ветров месте, то в болотах утонувшее, куда доступ только и возможен в зимнее время.

Тюремные власти разрешили Присягину переписку. Из писем он узнал, что Ленин с Крупской переехали из Франции в Krakow, поближе к России. Каких-либо новых сведений узнать не удалось. Не было чеголибо известно и о судьбе товарища по Лонжулю и по работе в Московской партийной организации Захаре Бреславе.

Позже Присягина перевели в общую камеру. И только в мае отправили в Сибирь.

* * *

О приезде Присягина в Парабель ссыльные уже знали. Встречать пришли человек шесть. Один из них сухощавый, интеллигентной внешности человек, отрекомендовался:

— Свердлов. — И добавил весело, как бы подбадривая Присягина: — С прибытием! И не хмурьтесь — жить здесь можно...

В пиджаке строгого покроя, в пенсне, он походил бы на студента, если бы не бородка-эспаньолка и не маленькие усыки, что скорее придавали ему сходство с сельским учителем.

Присягина поселили у местного крестьянина-рыбака. Когда ушел страж, Свердлов обратился к нему, как к старому знакомому, чем немало удивил Ивана Вонифатьевича:

— Ну, рассказывай, товарищ Присягин, о делах партии в Москве. Как здоровье Ильича? Чем нынче козыряют меньшевики, ликвидаторы и прочая оппозиционная братия?

Присягин долго рассказывал о том, что было ему известно, проговорили до глубокой ночи.

Ушли товарищи по ссылке. Вернулся с рыбной ловли хозяин, тревожно ожидающий всей семьей. Увидел Присягина, оживился:

— Никак и к нам квартирант? Это ладно, коли так.

Кузьма Ловушкин оказался добродушным и гостеприимным человеком, отцом четырех детей, которых вскоре Присягин стал обучать грамоте. И благодарный хозяин не оставался в долгу — подкармливал квартиранта свежей рыбой — то осетринкой, то нельмой.

Жизнь в глухом приобском селе внешне протекала спокойно. Большой редкостью и радостью являлись новости, проникавшие с воли в этот отдаленный край. Доставлялись и письма, тайно, минуя все кордоны и рогатки тогдашней строгой цензуры. Вот и с первым пароходом пришло письмо, переданное матросом, политссыльному Валериану Куйбышеву. И вскоре все ссыльные в Парабели узнали новость: состоялась шестая апрельская конференция, избран новый состав Центрального комитета во главе с Лениным. В состав нового ЦК вошли также Орджоникидзе, Белостоцкий, бывшие слушатели школы в Лонжюмо, которых Присягин хорошо знал. Он с теплотой вспоминал своих одноклассников. И все больше беспокоила его судьба товарища по послешкольной работе в партийной организации Москвы Бреслава.

Где он, что с ним? — пока не было никаких известий. Встретившись как-то с Яковом Свердловым, заговорили о связях с центром, необходимости солидарности и единения в ссылке. Но единению все больше мешали жандармы, которые завели порядок — видных большевиков не выпускать из-под постоянного контроля и под различными предлогами не допускать их общения с другими ссыльными.

И все же, как ни старалась стража, Присягин перехитрил ее — и возобновил старые связи с Московской партийной организацией и профсоюзом кожевников. Более того, время от времени он получал посылки с нелегальной литературой, которую тщательно изучал сам и распространял среди ссыльных товарищей. Это было опасно, но другого выхода не было.

Однажды на рассвете к пристани Колпашево подошел небольшой пароход «Колпашевец». В эти часы на пристани малолюдно. На дебаркадере в ожидании парохода собралось человек десять. И среди них в штатской одежде два жандарма.

Пассажиров было немного. Заметнее других оказался пассажир, который нес что-то завернутое в одеяло.

Как только пассажир сошел с трапа, жандармы приблизились к нему и тихо скомандовали:

— Следуйте за нами, гражданин.

За углом пристанского строения находилось низкое помещение жандармского отделения. Задержанного допрашивал сам начальник отделения.

Чувствуя профессиональным нюхом в задержанном важную фигуру, он строго выпытывал:

— Ваша фамилия, род занятий?

— Ссыльный Розенцвейг.

— Ну-с, — посуревел враз начальник, — скажи, ссыльный Розенцвейг, куда и зачем направлялся? Что у тебя в этом свертке?

Жандармы быстро развернули сверток, в котором оказалась постель, а в постели нетрудно было обнаружить литературу.

— Запретная? — строго посмотрел на задержанного начальник, держа в руках газету «Правда», шесть вырезок из газеты «Голос социал-демократа» и несколько брошюр.

— Хитро придумал ссыльный Розенцвейг! Хитро, ничего не скажешь! Кто передал тебе эту постель?

Розенцвейг помедлил и признался:

— Двое ссыльных на пристани Парабель. Один из них — по фамилии Присягин. И в Колпашево должны были меня встретить тоже двое. Но ваши люди опередили. Больше ничего не могу сказать — не знаю.

Сколько ни бились жандармы в Колпашево, но так и не узнали фамилии тех двух, ожидавших на пристани Розенцвейга.

Потом дошла очередь и до Присягина. Ему грозило предание суду и удлинение срока ссылки, а может, и высылка в другие места. И он решил не ждать суда и нового приговора. Товарищи помогли ему добить фальшивый паспорт на имя Ивана Алексеевича Тяпкина, собрали немного денег, и поздней ночью он сел на пароход, направлявшийся вверх по Оби.

Бежал Присягин из Нарымской ссылки в начале августа 1912 года — через два месяца после прибытия в Парабель.

* * *

Около месяца Присягин плутал по Нарыму, стараясь не попасть в руки жандармов. Большую часть пути шел пешком, не заходя в большие села, останавливался лишь в безопасных местах.

Вспомнилась встреча с Архипом Селезневым, барнаульским большевиком, который рассказывал о друзьях-подпольщиках. Селезnev освободился уже и отбыл домой, в Барнаул. Туда и решил Присягин пребираться.

Однажды ночью на неизвестной ему пристани пришвартовался большой обской пароход. Пока загружали трюм дровами и какими-то бочками, Присягин купил билет и поместился в общей каюте четвертого класса. Теснота была невообразимая. В углу каюты прямо на полу расположилось многолюдное семейство.

Присягин подсел к ним.

— Далеко путь держите?

— Едем к брату в Бийск, — ответил рыжебородый глава семейства. — А придется высаживаться в Барнауле, у дяди будем просить пристанища... Поиздергались в дороге-то, — пояснил. И поинтересовался в свою очередь: — А ты сам-то далече?

— И я в Барнаул.

— Стало быть, попутчики. А как тебя зовут, мил-человек? — допытывался мужик.

— Иван Алексеевич Тяпкин. В Барнаул еду насчет устройства на работу.

— Найдешь, поди-ка, работу. Сказывают, там большая нужда в плотниках да бондарях.

Плыли вторые сутки. Близок уже был Барнаул. Пробасил гудок, и пароход причалил к пристанскому дебаркадеру.

Присягин шарил глазами по берегу, словно выискивая кого-то. Мужик заметил его беспокойство и доверительно сказал:

— Ты вот что, Алексеевич, ежели в городе никого знакомых у тे-

бя нет, пошли с нами. Подгорная улица тут рядом, рукой подать. А фамилия наша Запрягаевы.

Присягин поблагодарил. И пообещал, если появится нужда, непременно зайти. Тепло распрощались, и Присягин отправился в город. Все тут ему было интересно, в новинку. Вышел на центральный Московский проспект, миновал большую двухэтажную церковь, у дома начальника Алтайского округа остановился, осматривая здание. А сам все думал: что же ему делать? Адреса своего Селезневу ему не дал — то ли забыл, то ли не считал нужным. Где его найдешь — это ж все равно, что иголку в стогу... Повернулся на другую улицу, вышел на Соборную площадь. Тут опять задержался, у собора. Приземистый, с высокой звонницей, увенчанной четырехгранной башней, с узкими стрельчатыми окнами, он производил внушительное впечатление.

Присягин рассматривал собор и не заметил, как его, в свою очередь, внимательно разглядывал незаметно подошедший человек.

Присягин почувствовал этот взгляд, повернулся и узнал Архипа Селезнева.

Встреча была случайной и тем более радостной.

Пошли вверх по Пушкинской улице, мимо одноэтажного вместительного деревянного дома, который занимал под квартиру соборный протоиерей отец Анемподист.

— Эта часть города называется Заячьей, — пояснил Селезнев, — потому как здесь селились зайцами непричисленные к городу люди. — И тут же перевел взгляд на другое. — Как добрался, товарищ Присягин, не было никаких происшествий в дороге?

— Все обошлось. А вы, Архип Андреевич, как тут поживаете? Велика ли партийная организация в Барнауле?

— Организация была разгромлена и только сейчас начинает восстанавливаться. Пока нас немного: Михаил Александрович Ярков, рабочий печатник Федор Дмитриевич Ильиных, Ефим Крутиков, всего пятнадцать человек.

Присягин подумал: «Организация невелика, но, видать, крепкая».

Через несколько дней Присягина в числе трех кооптированных человек избрали в состав Барнаульского комитета РСДРП.

А спустя еще некоторое время состоялось заседание комитета, на котором обсуждался вопрос о выборах в государственную думу. Решено было вести агитацию за социал-демократических кандидатов. По предложению Присягина (да и при его активном участии), сочинили листовку, решив единогласно размножить ее типографским способом и распространить среди населения.

Договорились устроить типографию в бане Климентия Просекова на краю деревни Ересной. Вплотную к бане подступали вековые сосны. Тут и обосновалась подпольная типография Барнаульского комитета РСДРП.

Понадобилось немногим больше недели для оборудования типографии. Принимали участие в этом многие члены Барнаульского комитета РСДРП, особенно много сил отдавал Федор Ильиных, как рабочий-печатник. За шесть дней до открытия типографии состоялось конкурсное чтение листовок. Лучшей из них комитет единодушно признал написанную Присягиным. Автор в резких тонах разоблачал антидемократический царский закон, который обеспечивал в думе устойчивое большинство имущим классам. В листовке отмечалось, что законы, выработанные и принятые предшествующими думами, не дали рабочим прав. Но большевики стоят за участие в работе четвертой Государственной думы с целью использования ее как трибуны для разоблачения антнародной политики царизма.

Листовка призывала голосовать за большевиков и заканчивалась смелым лозунгом:

«Долой паразитов! Долой самодержавие! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!»

Члены Барнаульского комитета Михаил Ярков и Ираида Третьякова взялись усердно за дело. Работали без отдыха, пока не было отпечатано заданное комитетом количество листовок. Поздно вечером они возвращались из типографии в Барнаул, радостные, что выполнили важное задание. Однако радость оказалась преждевременной. Когда на другой день Присягин с Архипом Селезневым поехали в типографию, чтобы забрать подлинник листовки, найти его не удалось. По словам Яркова, она лежала в незакрытом ящике стола. Других бумаг в типографии не было.

— Слушай, Архип, а может, Ярков в спешке захватил с собой листовку, да позабыл?

— Не должно быть. Не из таких людей Михаил.

Присягин с Селезневым так и уехали ни с чем.

Пока барнаульские большевики ломали голову над исчезновением листовки, жандармы делали свое. Верным им человеком оказался Ефим Крутиков, числившийся членом партии. Он выкрад подлинник листовки Присягина, с которого немедленно сняли фотокопию и вернули обратно, чтобы не вызвать подозрения барнаульских большевиков.

Через три дня после отпечатания листовки члены Барнаульского комитета РСДРП были арестованы.

Сидя в предварительном заключении в Барнаульской, а затем в Томской тюрьме, Присягин не раз задумывался: как он, старый член партии, ученик ленинской школы Лонжюмо, не предостерег товарищей от провала и ареста? А ведь в Лонжюмо читались лекции по конспирации. И чем больше Присягин думал об этом, тем глубже осознавал свою вину в разгроме партийной организации Барнаула.

Власти на Алтае и жандармерия предлагали выслать Присягина в северные районы Тобольской губернии, но министр внутренних дел назначил другое место ссылки. Присягина отправили в Канский уезд Енисейской губернии на пять лет.

Выслали и на этот раз значительно позже намеченного срока. Предварительное следствие затянулось. Следователи из кожи вон лезли, стараясь вытянуть из Присягина как можно больше интересующих их сведений, но напрасно. Присягин упорно молчал. Вместе с тем он не терял времени понапрасну и в подследственном заключении, устанавливая связь не только с родными, но и с московской организацией РСДРП, профсоюзами.

Начальник Томского губернского жандармского управления доносил по службе, что Присягин имел хорошо налаженную связь с Москвой, откуда изредка получал от профсоюзов деньги и, как установлено агентурой, просил двести рублей для обеспечения побега при отправке в очередную ссылку. Но на этот раз побег совершил не удалось...

* * *

Три года с лишним судьба мотала Присягина по глухим таежным местам Енисейской губернии. Первоначально он был в селе Рыбинском Канского уезда, затем в селе Пенчуга на Ангаре. И все под гласным надзором полиции. Редким ссылочным удавались побеги. Присягин вел оживленную переписку с товарищами по школе в Лонжюмо, с Московским комитетом РСДРП, профсоюзами и был в курсе политических событий в России. Первая империалистическая война создавала предпосылки для революции. Присягин внимательно следил за ходом военных операций.

За несколько месяцев до конца ссылки Присягина вызвали к начальству. Жандармский ротмистр объявил непререкаемым тоном:

— Вам предстоит переехать в Минусинск. Будете находиться под надзором коменданта города.

Перевод в Минусинск означал некоторое облегчение в положении ссыльного. Не разрешался только выезд из города.

Но по всему чувствовалось наступление перемен в общественной жизни страны. Жандармерия и тюремные стражи не свирепствовали так лютно, как прежде, особенно в соблюдении правил и норм переписки. Жандармы ходили теперь на цыпочках...

И вот пришла весть о свержении самодержавия.

Ссыльные, проживавшие в городе, с ликующими лицами поздравляли друг друга, обнимались прямо на улицах, радуясь предстоящей свободе.

Однажды Присягина вызвали к коменданту города.

— Присягин Иван Вонифатьевич?

— Он самый.

— Место вашего постоянного проживания, куда следует выписывать удостоверение и проездной билет?

Присягин взглянул на коменданта, едва сдерживая волнение. И, чуть помедлив, сказал:

— Петроград.

Комендант заполнил удостоверение, подал и сказал:

— Пойдите к секретарю, получите деньги на проезд.

В тот же день Присягин выехал из Минусинска.

Был снежный февраль. Состав мчался сквозь дремучие леса, незаистые полустанки, утонувшие в сугробах, мелькали то справа, то слева. Паровоз весело попыхивал, гудел протяжно на подъемах. Настроение у Присягина было отличное, да и у других, кто ехал с ним в одном вагоне, тоже были праздничные лица. Еще бы, такое свершилось!..

Сознание свободы возвышало людей в их собственных глазах, рождало чувство уверенности.

На одной из станций в вагон вошла большая группа бывших ссыльных. И в разговорах все отчетливее стали раздаваться голоса о новой власти.

— Где сейчас почивает царь Николашка?

— Не бойся, ворон ворону не выклюет глаз! Керенский не станет обижать царя Николая. Живет, поди, где-нибудь в укромном местечке...

— Большевики, говорят, на легальное положение вышли. Ленин вернулся в Россию.

Эта новость обрадовала Присягина больше всего. «Ну, теперь дела пойдут на поправку! — думал он, ликуя в душе. — Ленинская тактика в революции позовет массы от буржуазно-демократической к социалистической. Непременно так и будет!..»

Слушая в Лонжюмо лекции Ленина о революции, Присягин четко усвоил положение о переходе от буржуазно-демократического этапа к конечному — социалистическому. Пока немногие из тех, кто ехал с ним в вагоне, знали это ленинское положение.

И Присягин, думая об этом, вмешался в разговор:

— А я считаю, что власть Временного правительства продержится недолго. И сменить ее должна власть рабочих и крестьян.

В Новониколаевске Присягин задумался: куда дальше ехать — в Петроград или Барнаул? У входа в вокзал толкалась группа человек в пятнадцать. Присягин протискивался к двери, как вдруг его кто-то толкнул в бок. Он оглянулся и увидел Михаила Яркова. За пять лет разлуки с Присягиным он постарел, глубже прорезались морщины, седина посеребрила виски.

Теперь уже не было никаких колебаний. Дальше поехали вместе.

В Барнаул приехали вечером. Ярков сказал:

— Поживешь пока у меня.

На другой день Присягин с Ярковым пошли в местный комитет РСДРП. Шли по старым улицам Барнаула — Петропавловской, Иркутской, переименованной в Пушкинскую в честь столетия со дня рождения поэта...

У Петропавловского собора Присягин остановился. Вспомнил первые дни после побега из Нарымской ссылки. Сказал:

— Вот здесь я стоял, не зная куда идти.

— А теперь знаешь? — шутливо спросил Ярков. Присягин ответил серьезно:

— Теперь знаю.

Комитет РСДРП на этот раз был объединенным, в нем, кроме большевиков, находились и меньшевики. И все-таки, несмотря на это, Присягин с Ярковым шли туда с надеждой встретить старых товарищев. Первым, кто встретился в комитете — маленькая женщина, лидер барнаульских меньшевиков Тараканова.

— Здравствуйте, товарищи! С победой революции вас! — И тотчас поспешила сказать о том, что интересовало вошедших: — Вернулись из ссылки и другие товарищи — Фофанов, Сычев, Ильиных, Селезнев... Что ж, за работу на благо Временного правительства!

Не успели ответить, как оказались в объятиях вошедших Селезнева и Ильиных. От них и узнали, что в город приехали Сычев, Цаплин и другие большевики.

«Работа предстоит немалая за чистоту партии, за торжество диктатуры пролетариата», — подумал Присягин.

* * *

Февральская буржуазно-демократическая революция мало внесла изменений в жизнь Барнаула. Двоевластие создалось и здесь. Претендовал на полноту власти барнаульский «Комитет общественного порядка», орган местной буржуазии.

Почти одновременно с комитетом возник Совет рабочих депутатов. В тот же день в воинском горизоне был создан Совет солдатских депутатов. Оба Совета, по предложению большевиков, объединились в Совет рабочих и солдатских депутатов.

Совет, рожденный революцией, не признавал власти «Комитета общественного порядка», равно как и второй не желал зависеть от первого. Кроме того, в Барнауле действовали городская дума и управа, «демократическое» начинание царизма. Но они поспешили с признанием власти комитета, как законного местного представителя Временного правительства. Буржуазия в городе оказалась организованной.

«Положение большевистской организации не из лучших», — думал Присягин.

С тысяча девятьсот шестнадцатого года в Барнауле жил техник-межевщик Матвей Цаплин, в прошлом активный участник партийной организации в городе Шуе близ Иваново-Вознесенска.

Грамотный парнице скоро сошелся с Присягиным, и они вместе стали выступать на рабочих собраниях.

На одном из них, в железнодорожных мастерских, Присягин говорил:

— Революционный порыв народа смел самодержавие. Но у власти оказалась буржуазия. Она всеми силами старается не защищать интересы рабочих и крестьян, а напротив, всеми силами старается их подавить. Такие, с позволения сказать, устремления буржуазии поддерживает и Барнаульская городская дума! Народ не хочет братоубийственной войны с немцами, правительство же призывает довести ее до победного конца. Вот и судите, товарищи, кто же прав — буржуазное правительство или большевики?

Поднялся с места меньшевик Спекторский, вскинул руку:

— Товарищи! Утверждать так равносильно тому, что новые рельсы к шпалам крепить ржавыми костылями. Не выйдет, не отдадим Россию на милость победителей! Паровоз не пройдет и шага на этом пути, как свалится под откос!..

Матвей Цаплин перебил его:

— Крепко загнул товарищ Спекторский насчет крепления новых рельсов ржавыми костылями! Ничего против того не скажешь, только наш паровоз не пойдет по рельсам со ржавыми костылями!

Цех, казалось, готов был обрушиться от аплодисментов. Потом говорил Присягин, объясняя рабочим создавшуюся обстановку в стране:

— Законы и порядки остались старыми, товарищи, хотя власть вроде и новая. Рабочие ничего не получили от нового правительства, крестьяне — тоже. В Барнауле вроде бы обновилась одна полиция. Но как? Она ни с того ни с сего стала называться «народной». Те же полицейские, что были при старом режиме, теперь носят на левом рукаве красную повязку с начертанными белыми буквами «НП». Вот и все преобразования нового правительства!

Смех собравшихся долго не умолкал. Переждав его и сам вместе со всеми посмеявшись, Присягин продолжал:

— Нам, товарищи, необходимо избрать профсоюз. Профсоюз необходим для защиты интересов трудящихся и организации борьбы за свои права.

С легкой руки железнодорожников, первые профсоюзы возникли у водников, пимокатов, строителей, кожевников, шубников и металлистов. Возглавил общегородской орган, центральное бюро профсоюзов, Присягин.

* * *

Апрель выдался на Алтае теплым. Заумели ручьи. Над лугами за Обью густели туманы. В эту погожую весеннюю пору произошло радостное событие: ЦК партии в письме просил избрать на седьмую конференцию делегата от большевистской фракции Барнаульской организации РСДРП. В этом было признание несомненных заслуг барнаульских большевиков. В числе семидесяти восьми организаций, представленных на конференции, значилась и барнаульская.

Выборы делегата прошли в полном единодушии. Делегатом на конференцию, по предложению Цаплина, был избран Иван Вонифатьевич Присягин.

И через несколько дней он отправился в путь. Впервые за долгие годы ехал как вольный гражданин без надзора жандармов. Всю дорогу не покидало его чувство радостного нетерпения и волнения.

* * *

С этим чувством входил он через несколько дней и в зал заседаний конференции.

Впервые присутствовал он на легальной конференции большевиков. Все здесь казалось новым и потому вызывало любопытство. На сцене — красные полотнища. Зал постепенно заполнился, неровно шумел — звучали голоса, смех делегатов! Но вдруг наступила тишина, и Присягин увидел поднимающегося на сцену Ленина. И тотчас возникшая тишина оборвалась дружными, все более нарастающими овациями, возгласами приветствий. Ильич с улыбкой смотрел в зал, потом поднял руку и заговорил таким знакомым, с легкой картавинкой голосом:

— Товарищи! Мы собрались впервые без опаски быть арестованными! В России победила Февральская буржуазно-демократическая революция!

Присягин слушал доклад Ленина, как бывало в Лонжюмо, с предельным вниманием. Его интерес к ленинским словам определялся

сравнением выдвинутых Лениным положений в Апрельских тезисах с собственной практической деятельностью за мир, против соглашательских партий, местной буржуазии, за власть Советов без меньшевиков и эсеров.

С новой остротой вставали в практической работе вопросы тактики. Присягин убеждался в правильности борьбы против местной буржуазии, ее органа власти «комитета порядка», против революционного обороночества соглашательских партий, войны до победного конца. Он верил каждому слову Ильича.

Позже Надежда Константиновна Крупская, видевшая отношение делегатов к Апрельским тезисам, писала: «На конференции встретили мы много знакомой публики. Запомнилась, между прочим, встреча с Присягиным, учеником школы в Лонжюмо, запомнилось, как слушал он речь Ильича и как светились его глаза».

В перерыве Надежда Константиновна подошла к Присягину, засыпала вопросами: как он, откуда прибыл на конференцию?

— Делегат от барнаульских большевиков Алтайской губернии, — отвечал Присягин.

— Надя, ученики школы Лонжюмо не должны оставаться в стороне от важных партийных дел! — раздался голос Ильича. — Здравствуйте, товарищ Присягин! Наслышен, наслышан о ваших делах. Настраение как, товарищ Присягин?

— Отличное, Владимир Ильич.

— Правильно. Это для нас сегодня архиважно, ибо с плохим настроением отстаивать революцию нельзя, — шутливо заметил Владимир Ильич.

Присягин переживал двойное чувство от воспоминаний о прошлом и от услышанного и увиденного здесь, на конференции.

После конференции Присягину так и не удалось увидеть Ленина. Ильич был занят на заседании Центрального Комитета.

* * *

Вернувшись в Барнаул, Присягин узнал, что его заочно избрали членом комиссии труда, а Цаплина — членом земельной комиссии Барнаульской городской управы.

Большевики Барнаула с приездом Присягина резко повернули свою политику в сторону дальнейшего развития революции. Требовалось прежде всего порвать организационно с меньшевиками, оформить свою большевистскую организацию. Такая возможность вскоре представилась.

С меньшевистской конференции возвратилась Тараканова. Июньским днем в Барнауле состоялось собрание городской организации РСДРП. С докладами выступили от большевиков — Присягин, от меньшевиков — Тараканова.

— Мы вооружены Апрельскими тезисами, высказанными Лениным по текущему моменту на конференции. Революция в России не завершена, она должна перерasti в социалистическую. Основным итогом этой революции — будет переход власти в руки революционных советов. Лозунг «Вся власть Советам» — основной в современных условиях.

Не успел Присягин сесть, как его место за трибуной заняла Тараканова:

— Не верьте Присягину! Он передает слова Ленина, руководителя большевистского меньшинства в нашей демократии!

Подлинная демократия считает революцию законченной, она добилась свержения ненавистного самодержавия, завоевала демократические свободы — слова и печати, партий и собраний! В противовес большевикам мы предлагаем революцию, признающую незыблевой власть Временного правительства!

— Браво, товарищ Тараканова! Голосуем за революцию!

Голосование принесло победу меньшевикам. Их ликованию не было предела.

Спекторский съязвил по случаю поражения большевиков:

— Знайте, товарищ Присягин, лучше синица в руках, чем журавль в небе! Это вам не у железнодорожников победы добывать. А у честной демократии — шишки получать!

— Скатертью дорожка! — раздавались голоса вслед покидавшим зал большевикам. В тот же день они собрались в другом месте и продолжили заседание. Без меньшевиков шуму в организации стало меньше, а дела больше. Прежде всего, быстро решили вопрос о руководителе организации. Ярков внес предложение, которое было поддержано единогласно:

— Избрать товарища Присягина.

Присягин, поблагодарив товарищей за доверие, сказал:

— Нашей первостепенной задачей является борьба за большевизацию Советов, органов самоуправления, профсоюзов, против политики Временного правительства.

И большевизация началась. В состав различных комиссий городского самоуправления за короткий срок оказались избраны большевики Ярков, Сычев, Ковалев и некоторые другие. Катастрофически для меньшевиков увеличилось количество гласных-большевиков Барнаульской городской думы. Большевикам принадлежало к середине года восемнадцать мест в думе. Гласный думы Присягин был избран членом Барнаульской городской управы, исполнительного органа городского самоуправления.

Присягин и Цаплин возглавили думскую фракцию большевиков.

* * *

К вечеру подул сухой, горячий ветер. И не утихал всю ночь. На другой день город утонул в пылевых облаках. Обь, казалось, готова была выплеснуться на низкий берег. Начинался страшной силы ураган. И вдруг в его неистовый гул и свист вплелся колокольный тревожный звон, оповещавший о пожаре. Со станции доносились надрывные папорозные гудки.

А пожар возник на Томской улице, на усадьбе брандмейстера Быкова, который вздумал смолить лодку. Когда расплавленная смола забулькала в кotle, рванул ураганный ветер, сорвал огненный спон и бросил его через забор к соседу, торговцу смолой и дегтем. Неподалеку находился склад, который мгновенно вспыхнул. А ветер, словно играючи, перебрасывал огонь на крыши соседних строений, все дальше и дальше, по направлению к Оби. Огонь пожирал все, что попадалось по пути — строения, жилые и служебные помещения. Пожар расходился веером к центру города. За короткое время он охватил большую площадь центра города от Конюшенного переулка до Оби, от базарной площади до Полковой улицы, захватил и Московский проспект. По городу безнаказанно гулял огненный смерч. Пожарные, как ни старались, были бессильны справиться с огнем. Горели десятки самых благоустроенных кварталов, где жила основная часть населения города. Люди, обезумев, искали спасения в волнах Оби. Весенняя вода поглощала спасавшихся. Крики о помощи смешались с завыванием ветра, вселяя ужас в людей. Некоторые искали спасения за Барнаулкой, на Горе. Другие бросались в лодки, но напрасно — ураган опрокидывал легкие суденышки.

Шестьдесят городских кварталов огонь слизнул одним махом, оставил без крова тысячи людей. Сотни жителей сгорели в огне или утонули в Оби.

Член Барнаульского городского Совета рабочих и солдатских де-

путатов Селезнев спросил после пожара председателя Совета меньшевиков В. И. Шемелева:

— Окажет ли помощь Совет погорельцам? Все улицы заполнены людьми без крова и пищи.

Шемелев пожал плечами:

— Совет не имеет никаких средств.

— Хотя бы организовать учет имеющейся в наличии жилой площади, распределение продуктов, которые уцелели от пожара.

Шемелев ничего конкретного не обещал.

Тогда за дело взялись большевики.

От имени Совета действовали рабочие, солдаты и дружинники. Они охраняли имущество погорельцев, оказавшихся без крова, вывозили продукты из купеческих складов и магазинов, раздавали их нуждающимся. Совет мобилизовал лошадей у ломовых извозчиков, в гарнизоне. Все свозилось в безопасные от огня места — на берег Барнаулки, на Демидовскую площадь. Эти места напоминали баррикады, сложенные из ящиков, мешков и тюков. Особенно внушительно выглядела Демидовская площадь, на которой возвышался громадный ворох из мешков.

Подошедший Шемелев спросил у дружинника, охранявшего все это добро:

— По чьему указанию свезли продовольствие?

Дружинник молчал, как солдат на посту, деловито поглядывая по сторонам.

— Вас спрашивает председатель городского Совета! — повысил голос Шемелев.

Дружинник взглянул на него, как на пустое место.

— Какого Совета? Сказал тоже! Все это делается по указанию и именем Совета! А вас, гражданин, я не знаю и попрошу очистить площадь.

Свеженного первым заходом продовольствия оказалось недостаточно. Тогда решено было учесть имеющийся запас продовольствия у всех купцов города и конфисковать.

Меньшевики подняли вопль по этому поводу. И только под давлением рабочих они вынуждены были согласиться с этим решением.

Совет организовал выпечку хлеба для пострадавших от пожара, открыл питательные пункты, создал комиссию для распределения погорельцев в уцелевших от пожара зданиях, обратился за помощью в другие города Сибири.

Авторитет Совета после пожара поднялся среди горожан.

* * *

Спекторский как-то сказал Присягину:

— С победой вас! После пожара столько разговоров среди горожан о действиях большевиков на благо народа!

— Значит, правильно действовали большевики. Или вы все еще в этом сомневаетесь?

Спекторский усмехнулся и перевел разговор на другое:

— Говорят, большевики намерены издавать свою газету?

— Абсолютная правда — намерены. И даже название уже есть у газеты: «Голос труда». Просто, по-рабочему.

— Гм. Забавное и очень интригующее название.

— Милости просим, товарищ Спекторский, сотрудничать в газете.

Спекторский слыл юристом и журналистом и счел приглашение в газету как должное. Однако предупреждающее сказал:

— В этом случае, товарищ Присягин, если не будете зажимать рот нашей демократии.

Дня три спустя после этого разговора Спекторский шел в Совет и услыхал веселый и громкий голос:

— Читайте новую большевистскую рабочую газету «Голос труда»! Самые последние новости из рабочей жизни!

Спекторский смотрел на отчетливый жирный шрифт заголовка. Раньше он твердо полагал, что большевикам будет не под силу выпустить газету. Сейчас он шарахнулся от нее в сторону в суеверном предчувствии недоброго.

«Выпустили все ж таки», — подумал Спекторский не без раздражения. Но газету все же купил. И первым, кого он встретил, был Цаплин.

— Поздравляю вас, товарищ Цаплин, с победой! Хорошо-с, хорошо! Если так дела пойдут у вас и дальше, то, пожалуй...

Спекторский хотел сказать: «и до социалистической революции недалеко», но благородно воздержался.

Позже Спекторский прочитал в газете «Голос труда» статью Присягина «К другой части демократии», где в резкой форме критиковалась политика соглашательства меньшевиков.

«Черт знает, в чем упрекает нас автор! Наша миролюбивая политика признается за соглашательство!» Спекторский вознамерился встретиться с Присягиным, чтобы очно, с глазу на глаз, дать бой своему идейному противнику. По дороге он подбирал слова, сравнения, которые пустят в ход.

На углу оживленной тогда улицы Большой Тобольской и Соборного переулка Спекторского неожиданно остановила огромная толпа народа. Люди кричали, что-то требовали, кому-то угрожали.

— Что это за скопище? Чего они требуют?

— Говорят, что большевики настроили массы на свержение Временного правительства.

— Странно довольно! Не большевики же ставили у власти Временное правительство, не им его и убирать!

Спекторский подошел ближе и увидел, а затем и услышал Присягина:

— Товарищи! Кому нужно правительство, которое продолжает политику царизма, продолжает братоубийственную войну и защищает интересы буржуазии? Только помещикам и капиталистам, а не рабочим и крестьянам!

— Пра-а-вильно!

— Доло-ой Временное правительство!

Такие возгласы, слившиеся в единый, сплошной гул, поубавили решительности у Спекторского и он решил воздержаться от публичного выступления.

А Присягин все говорил. В толпе время от времени возникали взрывы аплодисментов, возгласы приветствий.

Над толпой взмыли красные флаги. Спекторский поспешил покинуть улицу из опасения, что могут появиться полицейские для разгона митинга и он, Спекторский, может оказаться в числе его участников, чего он не хотел.

Полиция, однако, так и не появилась.

Под вечер Спекторский зашел в Совет, чтобы поговорить с Шемелевым о событиях дня.

— Что творится в городе!

— Безобразие, — согласился Шемелев. — Но не с нашего благословления. Большеевики почувствовали в себе силу и мутят народ призывами к свержению Временного правительства, не считаясь с мнением нашего большинства.

— Может, собрать экстренное заседание и вынести постановление?

— Бесполезно. Большеевиков это не остановит.

Беспомощность Шемелева огорчила и расстроила Спекторского. Он растерянно проговорил:

— Что же делать?

Шемелев не нашелся, что ответить. И это еще больше свидетельствовало о приближающемся крахе меньшевиков.

В это время в коридоре послышались шаги, громкие голоса. Дверь распахнулась, в кабинет ввалила группа уличных демонстрантов-большевиков, членов Совета и просто людей, примкнувших к большевикам.

— В чем дело, товарищи? — как можно спокойнее, спросил Шемелев.

— А дело в том, товарищ Шемелев, что срок вашего полномочия истек. Необходимо провести выборы нового председателя, — ответил депутат-большевик Архипов. — Надеемся, что возражений против этого не последует. Количество депутатов позволяет провести перевыборы немедленно.

И как Шемелев ни возражал, ни противился, перевыборы состоялись.

Приступили к делу сразу же, без отчета за небольшой отрезок времени о работе.

— Кого предлагаете, товарищи? — спросил Архипов.

— Цаплина Матвея Константиновича!

— Больше нет кандидатуры!

Открытым голосованием утвердили председателем Барнаульского городского Совета большевика Цаплина.

* * *

Газета «Голос труда» продолжала линию на подготовку трудящихся Алтая к вооруженному восстанию. Рабочие Барнаула читали свою газету запоем, радуясь напечатанному: про нас это — и вся правда.

Влияние большевиков на массы трудящихся росло с каждым днем. Профсоюзы неуклонно следовали большевистской тактике.

Так, на собрании профсоюза пимокатов, которым руководил большевик Селезнев, после обсуждения вопроса об отношении к войне и коалиционному Временному правительству, было вынесено решение: осудить политику продолжения войны. Пимокаты высказались за опубликование тайных договоров царского правительства, за переход всей государственной власти в руки Советов. Многие профсоюзы последовали примеру пимокатов.

Большевики Барнаула в телеграмме Центральному Комитету писали: «Большинство рабочих и солдат идет за нами. Оборонцы теряют влияние. В Совете большинство за нами».

Через Совет большевикам удалось добиться смещения с должности начальника Алтайского округа Маслова и начальника местного гарнизона, которые отличались открытой ненавистью ко всему революционному.

Присягин был доволен происходящими событиями в Барнауле. Большевистская организация, возглавляемая им, избрала верную тактику и твердо шла к своей победе.

Как-то в помещение городского комитета вбежал телеграфист-большевик. Было видно, что он чем-то сильно взъярен.

— Свершилось, товарищи! — выдохнул радостно.

— Что свершилось?

— Читайте, — протянул Присягину бумагу, но тут же сам прочитал громко, с расстановкой: — Свершилось! Рабочие Петрограда свергли Временное правительство, взяли власть в свои руки!

Находившиеся в помещении тискали в объятиях телеграфиста. Кто-то спросил недоверчиво:

— А ты точно прочитал телеграмму-то, ничего не напутал?

— Чего это я напутал! Царя Николая когда свергли, так я тоже принимал... Второе правительство, можно сказать, спихиваю с престола. А он — напутал! — возмутился телеграфист и положил на стол Присягина телеграмму.

* * *

Приехал делегат со Второго Всероссийского съезда Советов Цаплин. Началась практическая работа по переходу власти в руки Советов. На собравшемся пленуме Барнаульского городского Совета было принято решение по примеру Петрограда о создании военно-революционного комитета. Большевики вышли из состава Барнаульской городской думы. Через три дня Барнаульский военно-революционный комитет занял почту, вокзал, телефонную станцию и другие важнейшие учреждения.

Начальником Красной гвардии Барнаула избрали Царицына, а его заместителем по строевой части Тиунова.

Из Бобровского затона сообщили, что там избрали командиром Красной гвардии помощника машиниста парохода — Телешова. В отряде оказались и большевики Затона — Дрокин и Тихонов.

В конце собрания на сцену вышел мужчина лет сорока.

— Почему меня не принимают в Красную гвардию? Нешто я какой в поле обсевок? Да такой же пролетарий, как и все остальные. Ну и что из того, что я занимаюсь кустарным ремеслом на дому? Кто на меня спину гнет? Да кроме моего малолетнего сына — никто! Спрашивается, товарищ Присягин, могу ли я состоять в Красной гвардии и защищать родную Советскую власть? Не знаю уж, как по-вашему, а по-моему, я что ни на есть гожусь в защитники революции!

Зал, приготовившийся было встать и уйти по домам, замер в ожидании интересного. Кое-где раздались крики в защиту.

— Кто это отказал тебе?.. Разобраться надо с товарищем!

Тут же выяснилось, что кустарь-одиночка Стуков обращался не к должностному лицу, а к сторожу, который «своей властью» и отказал ему в записи, обозвав «собственником».

Ошибка была исправлена тут же, на конференции. Сам Устинович под овации всего зала объявил:

— Товарищ Стуков зачисляется в охрану штаба Красной гвардии!..

Что ни день, то жизнь Присягина наполнялась новыми событиями, которые захватывали его все больше.

А вскоре произошло еще одно очень важное событие. Барнаульский Совет рабочих и солдатских депутатов, Алтайский губисполком от пятидесяти тысяч рабочих и солдат направили Присягина на третий Всероссийский съезд Советов. Одновременно с тем он являлся делегатом на первый Всероссийский съезд профсоюзов.

Третий Всероссийский съезд Советов оставил у Присягина глубокое впечатление. Там он встретил старого товарища по школе в Лонжюмо и ссылке Чугурина.

А как они радовались, когда за столом президиума съезда появился Ленин, а вместе с ним их товарищ по ссылке Яков Свердлов.

Делегаты единодушно поддержали закон о социализации земли, реорганизации Временного рабоче-крестьянского правительства, о выпуске учредительного собрания.

Поезд из Петрограда шел черепашьими темпами. Останавливался на каждом полустанке и стоял многие часы. До Барнаула Присягин добирался добрый месяц. В Сибири уже вовсю бушевали февральские метели.

Приехал — и сразу окунулся в работу.

Как-то зашла молодая женщина.

— Я — дочь купца Козлова, что живет на Луговой улице, — представилась она. — Вам, наверное, известно, что со склада и магазина моего отца во время первомайского пожара было вывезено и роздано погорельцам двести возов продовольствия. И не возмещено до сих пор ни единой копейки. Прошло более полугода, никто не думает оплачивать. Скажите, разве это справедливо?

Присягин ответил ровным голосом:

— Продовольственное положение Советской республики сложное. В Петрограде рабочие получают по осьмушке хлеба на день. Скажу вам откровенно: не ожидайте платы за ваше продовольствие.

Козлова резко встала:

— Прощайте, гражданин Присягин! Нам не о чем больше говорить!

Присягин подошел к зазвонившему телефону. И услышал в трубке взволнованный голос:

— Алло! Товарищ Присягин, я — Камень! Вы слышите меня? Сообщаю: в городе контрреволюционный мятеж! Захвачена пристань, Совдеп, телефонная станция пока в наших руках. Ждем помощи.

Присягин связался со штабом Красной гвардии. Зашел Цаплин. Решили направить в Камень отряд. Из Новониколаевска тоже придет отряд Красной гвардии.

Аналогичные выступления контрреволюции произошли в Горном Алтае, в Рубцовской степи и в Бийске, где мятежники организовали пьяный погром.

Во второй половине февраля в Барнауле проходила вторая губернская партийная конференция большевиков, которая приняла важное политическое решение о дальнейшем расширении Советской власти на Алтае. Вчерашний делегат третьего съезда Советов Присягин был избран председателем губкома партии.

* * *

В штаб Красной гвардии Барнаула пришел красногвардец Иванов с узелком в руках.

— Никак в дорогу собрался? — спросил начальник отряда Малюков.

Иванов помялся, не зная, что сказать. Подошел другой красногвардец, участник первой мировой войны.

— Что, Федор, у тебя в платке завернуто? — и пощупал. Звякнули железки. Иванов отвел товарища в сторону, чтобы никто не видел, сказал вполголоса:

— Понимаешь, взял у отца старый револьвер «Смит Вессон», разобрал, чтобы почистить, а собрать не могу. Вот и принес, чтобы кто-нибудь помог...

Иванов без особого труда собрал револьвер, вложил патроны в барабан.

— Бить тебе, Василий, контрреволюцию без промаха! Целиться-то умеешь?

Между тем обстановка складывалась не в пользу Советской власти. Контрреволюционеры всех мастей готовили вооруженное восстание. В Барнауле проходило формирование боевых дружин — «пятерок». Антисоветские организации переходили на построение «взвод», «рота», по типу регулярной армии. Основу воинских построений составляли бывшие офицеры. Контрреволюция установила связи с атаманами Семёновым и Дутовым. Созданный контрреволюцией штаб по формированию белогвардейских боевых отрядов возглавил штабс-капитан Ракин, сын регента Петропавловского собора.

Белогвардейцы вместе с купцами города собирались на тайные собрания, где обсуждались вопросы выступления против Советской власти.

В доме полковника Григорьева, на левом берегу заводского пруда, проходило одно из тайных заседаний под видом устройства именин.

Барнаульский купец-хлеботорговец, он же содержатель паровых мельниц Федулов, упражнялся на собраниях в ораторском искусстве, хотя раньше за ним такого не наблюдалось. Купцы, офицеры, служители православной церкви, биржевые и банковские воротилы слушали Федурова, боясь проронить хотя бы одно слово.

— Наперво, надо убрать Советы, во-вторых, государственный строй должен быть без Советов и разных там комитетов. В-третьих, во главе государства должен стоять твердый человек. Нам обязательно помогут в том союзники России!

Купцы отчисляли деньги на содержание белогвардейских дружины. Каждому члену подполья устанавливалась плата в триста рублей в месяц, служба в дружинах засчитывалась во фронтовой стаж. Белогвардейцам помогали барнаульские церковники. Они через газету «К свету» вели усиленную пропаганду против Советской власти. В рядах контрреволюционной организации Барнаула насчитывалось шестьсот человек. Белогвардейские дружины имелись и в других городах Алтая. Белогвардейцы не испытывали недостатка в питании и одежде. Сибирская кооперация «Закупсбыт» щедро снабжала всем необходимым и оплачивала различные контрреволюционные начинания.

Но контрреволюция пока не выступала, ожидая более благоприятной для нее обстановки.

Слушая донесения своих людей, засланных к белогвардейцам, Присягин говорил Цаплину:

— Да, Матвей Константинович, положение не из завидных! Необходимо принимать срочные меры.

Барнаульский военно-революционный комитет, стремясь предупредить выступления контрреволюции, ввел в городе военное положение.

* * *

Конец февраля тысяча девятьсот восемнадцатого года выдался погожим. Не было обычных для этого времени буранов. Утренние заморозки сменились ясными теплыми днями. Однако ясность была не во всем: три месяца не получали зарплату рабочие Главных железнодорожных мастерских, основного промышленного предприятия Барнаула. Семьи рабочих голодали. Однажды на квартиру Присягина и Цаплина зашли две женщины с маленькими ребятишками, не зная, что здесь живут два руководителя губернии.

— Хлебца бы немного, ребятишки с голода мрут.

Нельзя было смотреть без сострадания на ребятишек, лица которых, казалось, насквозь просвечивали.

— Откуда будете, женщины? — спросил Присягин, отдавая последний кусок хлеба.

— Мужики наши на железнодорожных мастерских робят. Да вот уже три месяца получки никакой, нет больше мочи жить...

После национализации железной дороги в кассе мастерских не было ни гроша.

Надо было что-то предпринимать — а что? Посоветовался с Цаплиным, с другими товарищами, и пришли к единому мнению: ехать в Москву, просить денег для рабочих. Решили, что наиболее подходящая кандидатура для поездки в Москву — это председатель железнодорожного Совета Михаил Амвросиевич Фомин.

Фомин растерянно сказал:

— Хорошо, товарищ Присягин, я поеду! Только как я буду обращаться с просьбой к товарищу Ленину? Забот у него, поди, и без наших...

— Главное, не тушайся, Михаил Амвросиевич. Товарищ Ленин очень хорошо понимает просьбы простых людей.

Фомин приехал в Москву в начале мая. И в тот же день был принят Ильичом, который очень внимательно выслушал барнаульского полпреда, спросил его о положении дел на Алтае. Потом написал записку, отдал Фомину и сказал:

— Зайдите в управление делами Совнаркома, товарищ Фомин, передайте вот эту записку, думаю, вам помогут.

Фомин вернулся в Барнаул с вагоном материалов для ремонта паровозов, вагоном мануфактуры для рабочих и пятью миллионами рублей. Присягина в городе не было, уехал вместе с Устиновичем на Первый съезд РКП(б) Западной Сибири в Омск.

Съезд обсудил важные вопросы — доклады с мест, о текущем моменте.

От алтайской партийной организации выступил Присягин.

— Товарищи, партийная организация Алтайской губернии считает первоочередной задачей на ближайшее будущее — борьбу за укрепление Советской власти и локальной задачей — расширение работы по продовольственному снабжению.

Слушая других делегатов, Присягин делал в блокноте пометки. Торопливым размашистым почерком он записывал: «Нужно направить все усилия, чтобы не дать восторжествовать костлявой руке голода и тем, кто против Советской власти... Нужно в месяц отправлять в голодавшие губернии десять миллионов пудов хлеба. Поставить заготовку и отправку хлеба так, чтобы сообщать телеграфно о каждом нагруженном вагоне».

На съезде Присягин заболел. Настало время уезжать в Барнаул. Присягина, прикованного к постели, взял на свое попечение Устинович. В это время выступил контрреволюционный корпус чехословаков. Они заняли ряд станций на транссибирской железнодорожной магистрали. Белочехи рыскали с обысками по вагонам, надеясь найти большевиков.

— Вот что, Владимир Иванович, — сказал Присягин. — Забирай мое оружие, документы, которые могут меня изобличить, и двигайся пешим порядком.

Полулежа на лавке, Присягин видел, как Устинович пошел с чайником за кипятком и скрылся за станционными постройками. Дней через пять Присягин добрался до Новониколаевска. Путь по железной дороге на Барнаул был закрыт, пришлось сесть на пароход, которым Присягин и прибыл благополучно в Барнаул.

Оправившись за долгую и тревожную дорогу от болезни, Иван Вонифатьевич тотчас по прибытии включился в работу. А задача сейчас стояла одна: защита Советской власти от контрреволюции.

* * *

В конце мая 1918 года в Барнаул приехал комиссар продовольствия Петрограда Бадаев. Бывший руководитель фракции большевиков в государственной думе долго беседовал в кабинете председателя ревкома о внутреннем положении в России. Особо он остановился на продовольственном вопросе.

— Сейчас необходимо срочно отгрузить хлеб с Алтая в рабочие центры страны. Владимир Ильич и Советское правительство принимают срочные меры к созданию Восточного фронта в связи с выступлением контрреволюционного корпуса бывших военнопленных чехов. Самое важное сейчас мобилизовать все воинские силы и продержаться до подхода советских войск из Европейской России. Вами многое сделано для того, но еще больше предстоит сделать.

Провожали Бадаева лишь Присягин, Цаплин и несколько членов губкома, без лишней огласки — того требовала сложная военная обстановка.

— Ну что ж, — говорил на прощание Алексей Егорович. — Одного я вам пожелаю: стойкости и мужества. А вам этого не занимать.

— Будем держаться, — пообещал Присягин. — Так и передайте Ильичу.

Наступили тяжелые дни. Чехословаки двинулись от Новониколаевска по железной дороге и уже заняли Бердск. Надо было немедленно идти им навстречу и дать бой. Срочно формировались рабочие отряды,

Присягину докладывали:

— Товарищ председатель губкома партии, в красногвардейском отряде железнодорожников сто двадцать бойцов, вооруженных винтовками систем «Гра» и «Бердана». Отряд готов в любую минуту выступить на защиту Советской власти.

Присягин отвел в сторону Фомина:

— Вроде маловато, Михаил Амвросиевич, сто двадцать человек... Главные железнодорожные мастерские — основная наша сила. Как сам-то считаешь?

— Считаю, Иван Вонифатьевич, что можем выставить гораздо больше бойцов, но мы делаем ставку и на то, чтобы мастерские не останавливали работу. Однако в случае крайней необходимости...

— Судя по всему, такая необходимость не за горами, — сказал Присягин. — Так что будьте наготове.

— Мы предусмотрели это заранее и преобразовали Железнодорожный Совет в Ревком, — ответил Фомин.

Ожидалось наступление белочехов и белогвардейцев из Новониколаевска и по Оби, на пароходах. Присягин внимательно выслушал рапорт представителя Бобровского затона о готовности судоремонтников к боевым действиям.

* * *

Белочехи и белогвардейцы двигались на трех пароходах вверх по Оби к Барнаулу. Впереди под белым флагом шел пароход «Добрый Никитич», вооруженный пушками и пулеметами. Экипажи пароходов составляли двести пятьдесят человек, хорошо обученных и вооруженных.

Алтайский губревком мог послать навстречу врагу всего лишь тридцать пять рабочих-водников судоремонтного завода на пароходе «Крестьянин», вооруженном одним пулеметом.

Большие надежды губревком возлагал на красногвардейцев города Камня, однако его гарнизон был ослаблен тем, что оттуда послали на Забайкальский фронт значительную группу красногвардейцев.

Присягин получал известия о движении барнаульских красногвардейцев по Оби от нарочных связных. Телеграф бездействовал. Барнаульцы обложили борта и рубку парохода «Крестьянин» мешками с песком. А катер «Чайка» на хорошей скорости двигался впереди, и вскоре в предрассветном тумане разведчики обнаружили стоящий на пристани двухпалубный пассажирский пароход. Раздалась команда начальника разведки Кожевникова:

— Заглушить мотор, подойти к пароходу на веслах!

Подошли незаметно.

Затрещали винтовочные выстрелы, на борту парохода взорвалось несколько гранат. Находившиеся на пароходе «Братья Мельниковых» офицеры (сорок человек) были захвачены врасплох и не успели оказать сопротивления.

Пароход под охраной направили в Барнаул.

В дальнейшем катер, двигаясь на большой скорости вниз по Оби, из-за поворота реки увидел три парохода, развернулся и помчался с сообщением к пароходу «Крестьянин», которым командовал барнаульский большевик Ярков.

Решили принять бой. Однако на ружейно-пулеметный огонь «Крестьянина» белогвардейцы ответили из пушек. Силы были неравны, пришлось отступить.

Не лучше складывалась обстановка и на суше, где наступал по линии Алтайской железной дороги противник.

У станции Бердск белочехи и белогвардейцы неожиданно наткнулись на сопротивление сводного барнаульского отряда, численностью

в триста человек. Отряд героически противостоял более многочисленному противнику. Он оказался окруженным и его гибель, казалось, была неизбежной. Но командование ночью предприняло контратаку. В штыковом бою красногвардейцы прорвали кольцо и вышли из окружения, потеряв много убитых.

Положение становилось крайне тяжелым.

Утром в кабинет Присягина, где собирались все члены Алтгубревкома, вошел курьер и вручил Присягину срочную телеграмму, в которой говорилось о том, что Ташкент должен войти в союзие с Сибирью по проволочному телеграфу Семипалатинск—Барнаул—Томск. Информация должна немедленно передаваться в Москву. Неисполнение сего распоряжения повлечет за собой самую суровую ответственность.

Исполнение депеши предлагалось не позднее 11 июня 1918 года. Судьба Советской власти в Сибири была не безразлична Ленину. А положение все больше усложнялось. Комендант Барнаула Денисов сообщил, что в городе неспокойно. Разведка установила — готовится выступление контрреволюции в поддержку наступающим чехам.

Ревком вынес решение: членам не покидать здание губкома РКП(б) и губревкома. Были приведены в боевой порядок имеющиеся в наличии немногочисленные отряды Красной гвардии.

Присягин сказал в заключение заседания:

— Необходимо продержаться на Черепановском фронте самую малость. Открытие Восточного фронта не за горами, об этом говорил и товарищ Бадаев. С силами контрреволюции в городе, я думаю, мы справимся имеющимися силами.

* * *

Однако устоять было трудно — слишком неравны силы. Заместитель председателя ревкома Казаков докладывал:

— Неоднократные попытки белых ворваться в Барнаул по железной дороге отбиты. Противник вместе с тем угрожает городу с Нагорной части, где он форсировал реку повыше Бобровского затона, ниже, в двадцати километрах от города, он занял деревню Гоньбу и ведет наступление с Нагорной части на город. Отряды же из Гоньбы, отбросив наш заслон, наступают на железнодорожную станцию.

Казаков помолчал, обернувшись к окну:

— Слышите стрельбу? Враг подошел к кирпичным сараям северо-западнее города. Необходимо срочно подготовить эвакуацию отрядов Красной гвардии, партийных, советских работников, а с ними вооружение, боеприпасы, продовольствие из расчета на две тысячи человек. Путей отхода у нас два... — Казаков указал на реку Обь, пролегшую на карте извилистой голубой лентой, и на железнодорожную дорогу, идущую на Семипалатинск. — Водный путь на город Бийск перекрыт противником у Бобровского затона, к тому же он сейчас занят белыми, остается один путь в сторону Семипалатинска, который занят войсками противника. Но путь по линии Алтайской железной дороги имеет свои преимущества. Представители Железнодорожного Совета заверили, что обеспечат необходимым количеством паровозов и вагонов, боеприпасами, оружием и продовольствием.

Ревком не имеет связи с городами Сибири, но Советская власть в Омске еще, по нашим расчетам, не свергнута, нельзя пренебрегать этим фактом. Будем ехать до Алейска железной дорогой, там спешимся и пойдем пешком до Славгорода, где погрузимся в железнодорожные эшелоны и поедем на Омск. На главной сибирской магистрали соединимся с частями регулярной Красной Армии. Дальнейший план совместного действия — разгром белых в районе Новониколаевска, затем освобождение Барнаула. Понятен план эвакуации, товарищи?

В ответ — молчание. Присягин тогда обратился к присутствующим:

— Товарищи молчат. Значит, все ясно. Ставлю на голосование, — и добавил: — Этот план единственno возможный для нас. Осуществив его, мы сохраним живую силу, жизнь партийных и советских работников, лучшую часть рабочего класса Алтая.

Где-то сбоку станции были орудия, трещали пулеметы. Огонь не-прицельный, для того, чтобы посеять панику в рядах красногвардейцев. Однако он не достигал цели. Командиры Красной гвардии, партийные, советские работники всю ночь не переставали прибывать. Все это совершилось в глубокой тишине, без единого лишнего звука. Под утро Казаков докладывал Присягину с Цаплиным:

— Эвакуация обещает быть успешной. Все составы загружены людьми, оружием с боеприпасами, продовольствием. Настроение бодрое.

Присягин спросил:

— Обеспечен ли отход основных сил по линии железной дороги?

— Обязательно! Выставлен отряд венгров-интернационалистов и группы красногвардейцев у кирпичных сараев, у железнодорожного моста на Оби, на песчаных буграх у речки Пивоварки, на 9-й Алтайской улице, одним словом, везде, где ожидаются удары белых.

Утром пятнадцатого июня на станции Барнаул наблюдалось необычное. Отходили пять эшелонов с людьми, причем интервалы между ними были непривычными на железной дороге — не более пятисот метров. Это делалось умышленно — на случай внезапного нападения противника легче отражать атаки.

Днем пятнадцатого июня белогвардейцы заняли Барнаул. Заслоны красногвардейцев почти полностью полегли в неравном бою.

Город встречал белогвардейцев колокольным звоном, благодарственными молебнами в церквях.

Особенно торжественными выглядело богослужение в Петропавловском соборе. Регент этой кафедральной церквиправлял двойной праздник — изгнание из города большевиков и возвращение в город своего сына штабс-капитана Ракина и не просто сына, а коменданта города Барнаула, наделенного чрезвычайными полномочиями. Заборы домов пестрели приказами коменданта о борьбе с большевиками и сторонниками Советской власти, красногвардейцами, партийными и советскими работниками. Заподозренных в сочувствии Советской власти хватали прямо на улицах. Многих убивали при «попытке к бегству». Буржуазия и ее приспешники захлебывались от восторга в своих речах в адрес белогвардейцев, занявших город.

Устраивали различные сборы, пожертвования в помощь белогвардейской армии-освободительницы.

* * *

Эшелоны двигались на юг. Паровозы шли на малых скоростях. Присягин вместе с Цаплиным предусмотрели безопасность в пути — приказали выставить от каждого вагона по наблюдателю, которые бы просматривали путь, забравшись на крыши вагонов и на тендер паровоза. И как-то «впередсмотрящие» заметили километрах в трех—четырех разобранный железнодорожный путь. Остановили паровозы и выслали вперед ремонтную бригаду под руководством одного из помощников машиниста. Путь исправили — и поехали дальше.

Под вечер прибыли на станцию Алейская. Головной паровоз дал свисток, затем мощно заскрипел тормозами и остановился.

Разгружали эшелоны с молчаливой сосредоточенностью, будто противник был где-то в непосредственной близости. Жители Алейска с любопытством и страхом смотрели, как тысячи вооруженных людей быстро заполняют станционные перроны диковинным грузом. Тотчас на при-

вокзальной площади выгрузившиеся собрались на митинг, небывалое зрелище в Алейске. Над тысячами голов поплыл знакомый, чуть хрипловатый голос Присягина:

— Товарищи, мы совершили часть пути. Вторая — должна совершаться походным маршем до Славгорода. Нам могут помешать при этом кулацкие банды, а возможно, воинские части белогвардейцев. Необходимо избрать командира нашего отряда. Прежде чем предложить кандидатуру командира, хотелось бы услышать ваше слово.

Со всех сторон донеслись голоса, называющие чаще других Петра Сухова. Проголосовали. И Петр Сухов был избран командиром сводного отряда.

На другой день выступили из Алейска.

* * *

На шестой день марша, войдя в село Боровское, узнали от местного почтальона, что все города Западной Сибири в руках белочехов и белогвардейцев. Подтверждая свое заявление, почтальон показал телеграммы и газету, издававшуюся эсерами в Омске. Все это оставил у себя Сулим.

Узнав от Сулима о положении в Западной Сибири, Присягин понял, что масштабы контрреволюционного выступления гораздо шире, чем предполагалось ранее.

Совещание командного состава и руководства партийных и советских организаций Алтая, состоявшееся в этот день, решило послать на станцию Карагат главной сибирской железнодорожной магистрали делегацию, чтобы сообщить командованию Красной Армии о чрезвычайном положении в Алтайской губернии и просить активной помощи.

Поздней ночью Сухов и Сулим приготовили фальшивые документы для Присягина, Цаплина, Казакова и секретаря Барнаульского Совета Карева. Они направлялись под видом землемеров.

— Прощайте, товарищи! — сказал Сухов. Присягин ответил спокойно:

— До свидания, товарищ Сухов! До свидания, товарищ Сулим! Мы не прощаемся с вами, надеемся на скорую и благополучную встречу.

Лошаденка, впряженная в телегу, на которой виднелось что-то похожее на приборы землемеров, въехала в Панкрушиху. Повозка, сопровождаемая любопытной сельской ребятней, не останавливалась, катила по селу.

Никто, может быть, и не обратил бы внимания на ехавших — землемеры и землемеры, не окажись в этом селе эсер Филимонов, знавший в лицо Присягина и Цаплина. Он и поднял местных кулаков, и где-то в версте от села всадники догнали повозку. Филимонов крикнул:

— Остановитесь, товарищи!

Грубый окрик и слово «товарищи» показались несовместимыми. Присягин всмотрелся в лица всадников и в одном из них узнал эсера Филимонова. Только и успел шепнуть своим спутникам: «Держитесь, товарищи, мы, кажется, попали в руки эсеров».

Филимонов подъехал вплотную и приказал:

— Поворачивайте назад! Дело есть к вам.

Дело ясное — Присягин и его товарищи были арестованы. Присягину скрутили руки и стали бить. Филимонов не переставал издеваться над связанным председателем губкома.

— Что, товарищ Присягин, отцаствовали большевики? Всех перевели и на одну ниточку! Небось народных денег преизрядно загребли? Обыскать товарищей!

Обыск не подтвердил предположений Филимонова: у арестованных оказалось совсем немного денег.

Арестованных доставили в город Камень-на-Оби. В дороге не оста-

навливались даже попить воды. В Камне посадили на пароход и отправили в Новониколаевск. Там долго и дотошно допрашивали, хотя их личности были давно известны и установлены.

— Куда держат направление отряды Красной гвардии?

— Кто из барнаульских большевиков остался с отрядами?

На вопросы следователей был один и тот же ответ:

— Большевиков в отряде нет, куда держит путь отряд — известно одному командованию.

— Ничего, — сказал следователь, — отправим вас в Барнаул, там вас лучше знают. Пусть господин Ракин разберется с вами!..

В крохотное трюмное окошечко был виден кусочек неба, проплыли буйные забоки, прибрежные села. Арестованных бдительно охраняли часовые, менялись через каждый час парные караулы. На лестницу, ведущую в трюм, никого не пускали.

Пароход прибыл в Барнаул где-то часа в четыре дня. Арестованных поместили в закрытую карету, чтобы не видели их любопытствующие. В окно кареты видно было, как миновали березовую рощу, подъехали к городской тюрьме.

В кабинете начальника тюрьмы арестованных встретил комендант города Ракин и еще какие-то незнакомые два офицера.

— Здравия желаем, господа большевики! Как доехали до Барнаула, без происшествий? Надеюсь, конвой не мешал вам думать о прошлом и будущем? — Ракин был в ударе и не переставал иронизировать над положением арестованных. — Что прикажете, господа большевики, подать вам на обед? Впрочем, об этом мы сами подумаем.

С первого же дня после возвращения в Барнаул арестованных подвергли жестоким пыткам. Больше всех были Присягина с Цаплиным, осторожни, когда, окровавленные и зверски избитые, они лишились сознания. Так продолжалось не раз. Арестованных рассадили по камерам-одиночкам. И все же, несмотря на строгий одиночный режим, Присягин посыпал письма на волю. Они написаны на тетрадной бумаге простым карандашом. За несколько дней до смерти Присягина барнаульские большевики-подпольщики получили одно из таких писем: «Товарищи, нужно приложить все усилия к освобождению Цаплина. Ему первому грозит опасность быть убитым. Нужно сделать это, как можно быстрее...»

Присягин нарисовал картину дальнейших действий подпольщиков — от приготовления явочной квартиры до переговоров с машинистами паровозов или ямщиками о немедленной отправке освобожденных.

Ленинской школы ученик меньше всего думал о собственной участии, а беспокоился о Цаплине, которому выпадало больше истязаний, как председателю ревкома, непосредственному исполнителю всех мероприятий по борьбе за власть Советов и борьбе с контрреволюцией...

Осенний день дрогнул. На горизонте появилось зловещее, налитое чернотой облако. Вскоре оно закрыло заходящее солнце. Стало сумрачно и неуютно.

В этот час в барнаульскую тюрьму явился конвой из нескольких солдат и предъявил требование за подписью Ракина о выдаче четырех заключенных будто бы для перевода в Новониколаевск.

Из тюрьмы, желая удостовериться в подлинности требования, позвонили начальнику гарнизона. В трубке послышался густой голос:

— Требование подлинно. Выполните приказ.

Арестованных вывели из камер во двор тюрьмы с петлями, накинутыми на шеи, привязали к седлам лошадей, нахлестывая плетьями, погнали за ворота ограды. Это хорошо видели заключенные из окон своих камер.

Но куда погнали, как и где казнили руководителей большевистской организации Алтая — так и осталось загадкой.